

Поместье семьи Цинь выдержано в европейском дворцовом стиле. Оно возведено у самой воды, а его облик — воплощение роскоши и утонченности. От продуманного до мелочей ландшафтного дизайна до изысканных рельефных элементов — всё здесь дышит величием и достоинством.

Даже Тун Чжао, чье мнение об этом семействе опустилось ниже некуда, вынужден был признать: у Циней определенно есть вкус.

Прогулявшись по территории, Тун Чжао не только лишний раз убедился в том, насколько богата и влиятельна эта семья, но и заметил явные перемены в отношении к себе со стороны остальных домочадцев. Пусть это еще нельзя было назвать уважением, но, по крайней мере, его перестали демонстративно игнорировать.

Впрочем, это неудивительно. После помолвки поползли шумные слухи. Одно дело — не замечать незаконнорожденного сына, и совсем другое — когда этот человек становится представителем семьи Цинь в важном брачном союзе. Из-за статуса жениха старшего сына семьи Чжоу окружающим приходится держать себя в руках и, как минимум, не строить ему рожи прямо в лицо. А что происходит за спиной — кого это волнует?

Тун Чжао откинулся на спинку садовой скамьи, предназначенной для отдыха, и бесцельно уставился на искусственный водопад. Вчера вечером Шань Сун прислал сообщение: просил не торопиться, не обращать внимания на пересуды и пообещал, что скоро сам его навестит.

Тун Чжао догадывался, что главная тема для сплетен сейчас — это якобы недовольство Шань Суна их союзом. Даже не выходя из особняка, он был в курсе этих разговоров. Гости, присутствовавшие на банкете, с пеной у рта доказывали, что нахмуренные брови Шань Суна во время обмена кольцами — прямое тому доказательство.

Зная правду, Тун Чжао немного поразмыслил. Сопоставив это с сообщением от Шань Суна, он догадался, что у того, вероятно, есть какой-то иной план. Он послушно ответил согласием и добавил, что готов содействовать во всем, если потребуется.

Тогда Шань Сун ничего не ответил, но сегодня утром, открыв телефон, Тун Чжао увидел закрепленное сообщение:

— Не беспокойся, отдохни как следует эти несколько дней. До самой свадьбы, если возникнут какие-то нужды — смело требуй у семьи Цинь. Они не посмеют тебя игнорировать.

Тун Чжао ответил:

— О.

— Я не хотел тебя принизить. Поговорим, когда увидимся. *Гифка: поглаживание по голове.*

Тун Чжао невольно усмехнулся: надо же, даже оправдался. А этот стикер совсем не вязался с его образом. Стоило вспомнить вечно суровое, грозное лицо Шань Суна, который, должно быть, долго выбирал среди кучи эмодзи, прежде чем нажать кнопку отправки, и Тун Чжао не выдержал — приснул со смеху.

— Нашел себе выгодную партию и теперь рот до ушей?

Ехидный голос раздался из-за поворота, а следом показалась до боли знакомая фигура. Тун Чжао стер улыбку с лица и тяжело вздохнул: ну почему этот человек вечно ищет повод придраться?

Если говорить откровенно, чаще всего из всех членов семьи Цинь Тун Чжао видел не своего новоявленного отца Цинь Даошэна и не старшего брата Цинь Сяюаня, а этого, по слухам, драгоценного младшего господина — Цинь Чуна.

Еще когда Тун Чжао только начинал актерскую карьеру, он был наслышан об этом юноше. Цинь Чун пришел в индустрию развлечений чуть раньше него, и, поскольку не особо скрывал своего происхождения, его личность была секретом полишинеля. Огромные ресурсы, влитые в его продвижение, вкупе с вполне сносным актерским талантом, быстро сделали его популярным.

Успех всегда красит человека: его и без того неплохая внешность стала казаться почти безупречной. Он собрал огромную армию фанатов, получил пару наград для веса, и сейчас его карьера была в самом зените.

На банкете по случаю окончания съемок Тун Чжао впервые увидел Цинь Чуна вживую. Тот был вместе с Гэн Кэли и, когда Гэн Кэли попытался увести Тун Чжао, именно Цинь Чун преградил им путь. Изначально Тун Чжао был благодарен этому младшему брату, который хоть и косвенно, но спас его, да и отзывы в индустрии создавали положительный образ. Но, сам не зная почему, Цинь Чун питал к нему жгучую ненависть.

При первой же встрече взглядов Тун Чжао ощутил мощную волну неприязни. Это было совершенно необоснованно: даже если не брать в расчет, что он был лишь малоизвестным актером, неспособным тягаться с популярным айдолом, сам статус незаконнорожденного ребенка ни для кого не представлял угрозы. Вся семья Цинь знала: сколько бы ни было у отца любовников и внебрачных детей, позиции Цинь Чуна и Цинь Сяюаня незыблемы. Более того, незаконнорожденный омега даже не имел права быть официально признанным семьей Цинь. Единственным исключением стал он сам, причем по личной инициативе Цинь Чуна. Это было еще более странно.

Тун Чжао не разбирался в хитросплетениях жизни богатых семей и не горел желанием в них вникать. Он хотел лишь одного — поскорее выбраться из дома Цинь и больше не подвергаться их ядовитому влиянию.

Цинь Чун продолжал что-то говорить, а Тун Чжао молчал, с каменным лицом пропуская мимо

ушей эти колкости.

— Сейчас-то ты устроился с комфортом. Я слышал от старшего брата о том, что произошло на помолвке. Советую тебе вести себя тише и не строить козней, — Цинь Чун задрал подбородок, его тон был пропитан презрением. — Занять место в брачном союзе от имени семьи Цинь — это твоя честь. Малоизвестный актер в одночасье становится супругом из богатого дома — многие от зависти лопнуть готовы. Ты добился своего, так что хватит притворяться. Может, твои прошлые покровители и любили этот типаж невинного омеги, но нашей семье это не нужно. Ты получил всё это лишь потому, что я решил позволить тебе быть здесь. Не возмни о себе слишком много.

Тун Чжао продолжал молчать. Он слышал вещи и похуже, так что давно выработал иммунитет. В конце концов, этот господин Цинь еще довольно воспитан — по крайней мере, не опускается до грязной брани.

Боковым зрением он заметил проходившего мимо садовника — молодую женщину. Она замедлила шаг, услышав их перепалку, но, узнав, кто перед ней, поспешно ретировалась.

Тун Чжао опустил взгляд, погрузившись в свои мысли. Раньше, в подобных ситуациях, у него еще хватало сил спорить с Цинь Чуном. Но со временем он понял: все эти бессмысленные обвинения — лишь способ выплеснуть раздражение. Цинь Чуна не интересовали ни ответы, ни чувства собеседника.

А что именно вызывало у него такой гнев — оставалось загадкой.

После нескольких попыток Тун Чжао перестал задавать вопросы. Если говорить слишком много, этот человек может пожаловаться Цинь Даошэну или настроить прислугу против него. Тот — любимый младший сын, а он — лишь незаконнорожденный, которому просто повезло, что его признали. В семье Цинь никто не встанет на его сторону. Шань Сун был прав: Тун Чжао действительно обладал здравым смыслом.

К счастью, Цинь Чун получил хорошее аристократическое воспитание и, заботясь о репутации семьи, не позволял себе выходить за рамки во время помолвки. Обычно всё ограничивалось лишь словесными выпадами — можно было и потерпеть.

В итоге, после порции язвительных замечаний, увидев, что Тун Чжао лишь безвольно молчит, Цинь Чун насмешливо фыркнул и в окружении охраны гордо удалился.

Тун Чжао не стал задерживаться в саду, чтобы снова не наткнуться на него и не слушать очередную порцию желчи. Раз уж прогулка была испорчена, следующие несколько дней он решил провести в своей комнате. В лучшем случае спускался вниз к обеду, чтобы послушать сплетни слуг, а в остальное время зависал в телефоне или переписывался с Шань Суном.

Он боялся, что тот слишком занят, да и мало ли — вдруг охрана за дверью что-то заподозрит,

поэтому писал осторожно, всего по паре фраз.

Шань Сун отвечал быстрее, чем он ожидал. Казалось, он чувствовал тревогу Тун Чжао, поэтому каждый день сам присылал сообщения, спрашивая, как прошел день. Похоже, та записка не была ошибкой — в глубине души этот человек был очень заботливым, просто совсем не умел выражать мысли словами... Тун Чжао с телефоном в руках перекатился на кровати.

Столько лет он был одинок, даже друзей было почти не найти, и вдруг — такой надежный союзник, который не просто поддерживает, но и находит время, чтобы позаботиться о его душевном состоянии. Это было очень приятное чувство.

Тун Чжао долго набирал и стирал текст, наконец отправив:

— Ложись пораньше, спокойной ночи!

Ответ пришел почти мгновенно:

— Спокойной ночи.

Тун Чжао помедлил, вышел из диалога и открыл другой — со своим агентом. В переписке так и висело его последнее неотправленное сообщение.

<http://bllate.org/book/20016/1975119>